

Л. П. РЕПИНА

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (О ДИНАМИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ «ИСТОРИИ ПАМЯТИ»)*

В статье рассматриваются содержание и место понятия «историческое сознание» в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук, различные его интерпретации в контексте теории культурной памяти. Автор анализирует важнейшие темпоральные характеристики исторического сознания, которые выявляют способ структурной дифференциации времени («связь времен») и дают основания для типологий форм исторического сознания, разрабатываемых в современной историографии. Подчеркивается роль темпоральных характеристик исторического сознания для статуса истории как особой критической формы памяти о прошлом и для культурной компаративистики. Высоко оценивая проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, автор указывает на трудности его реализации и необходимость как терминологических уточнений, так и совершенствования методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и развития в разных культурных ареалах.

Ключевые слова: историческое сознание, культурная память, историческая культура, модусы времени, «режимы историчности», историография.

«Культурный поворот» в социально-гуманитарном знании привел к интенсивной разработке различных аспектов проблемы коллективных представлений, включая представления о прошлом и «историю памяти»¹. Сегодня историки активно интересуются тем, как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они хранили и транслировали информацию об этих событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое. В последние десятилетия существенно продвинулись исследования сложного феномена исторической культуры, которая выступает не только как артикуляция исторического сознания общества или совокупность

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00357а.

¹ См. об этом: *Репина* 2013. Развитие исследований в этом направлении стимулировало также дискуссии о применимости понятия «память» к коллективным субъектам истории. О терминологических спорах по этому поводу в междисциплинарном пространстве современного знания и о новых теоретических обоснованиях концепта «историческая память» в социально-гуманитарных исследованиях см., в частности: *Репина* 2013.

культурных практик индивидов и групп по отношению к прошлому — «манера думать, читать, писать и говорить о прошлом», но включает в себя все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни². Разнообразный материал многочисленных исследований красноречиво свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий, «образа прошлого» — с социальными явлениями настоящего, и история самых разных культурно-исторических общностей знает множество примеров «актуализации прошлого», обращения к прошлому опыту с целью его переосмысления и переоценки.

Содержание понятия *историческое сознание* в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук имеет различные интерпретации. По мнению Ю.А. Левады, высказанному еще на рубеже 1960–70-х гг., этим понятием «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия “практических” и “теоретических” форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных (последние, разумеется, лишь с момента появления науки на общественной сцене). Во всяком случае, научное знание об истории выступает лишь одним из моментов (правда – все более важным) в этой системе»³. Ю.А. Левада проводил прямую аналогию между историческим сознанием и памятью, анализировал историческое сознание как один из элементов «памяти» общества, различал («по протяженности») «короткую память общества», охватывающую непосредственное прошлое, и «опосредованную, долговременную социальную память», в структуру исторического сознания включал «все многообразие вариантов “сознательного” и “бессознательного”, “теоретического” и “практического”, “научного” и “мифологического” и т.п. вариантов запоминания обществом своего прошлого» и подчеркивал «наличие строго определенного разнообразия форм исторического сознания на различных этапах его развития»⁴.

² Woolf 2003. P. 10; Rüsen 1994. S. 5–7. Это направление исторической науки, возникшее под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках истории ментальностей, постепенно расширило свои методологические основания. Более подробно об этом см.: История и память... 2006.

³ Левада 1969. С. 191.

⁴ Там же. С. 192–193.

Категория исторического сознания была детально теоретически разработана М.А. Баргом в начале 1980-х гг. в рамках его оригинальной концепции становления историзма. Выдающийся историк-методолог неоднократно подчеркивал, что было бы неверно сводить *историческое сознание* к *исторической памяти*, как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – всего лишь измерение, срез второго. Обращенное одной своей стороной к прошлое («погруженное» в историю) историческое сознание, тем не менее, не исчерпывается лишь объяснением прошлого: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т.е. без знания элементов будущего в настоящем. ... Историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, – мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»⁵.

Другая яркая метафора – «цепь времен» – была акцентирована в связи с анализом темпоральных представлений в известной книге «Шекспир и история». Характеризуя восприятие и истолкование времени гениальным драматургом как «цепи времен», подразумевавшей непрерывную смену исторических эпох, М.А. Барг усматривает в этом видении истории качественный сдвиг, «огромный скачок в миропонимании и самопознании человека – *восстановление модуса “настоящего”*», т.е. современности, которой христианская историческая традиция пренебрегала». В этой концепции *историческое время* мыслится «только как единство всех трех измерений, т.е. только тогда, когда каждое из них – прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее – выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении... “Настоящее” – решающее звено, соединяющее всю цепь времен»⁶. В эпоху Возрождения, в связи с «переворотом» в мировоззрении, обеспечившим трансляцию «статик воспоминания о прошлом и созерцания настоящего в динамику целе-

⁵ Барг 1987. С. 24. См. также: Барг 1982. № 12. С. 49–66; «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. 2005.

⁶ Барг 1976. С. 51. Сравним: «Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» (Августин Аврелий. Исповедь. XX, 26). Удивительно в унисон звучат размышления о связи времен, представителей, с одной стороны, господствовавшей в Средние века «неисторичной» формы «провиденциального историзма» и, с другой стороны, научного историзма XX столетия.

полагания и предвидения будущего», «было открыто историческое время и тем самым способность одной исторической эпохи *сравнить себя с предшествующими* (курсив мой. – Л. Р.), чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними». Так появляется не просто новая форма исторического сознания, но «собственно *историзированное общественное сознание*»⁷. «Открытие исторического времени» и «исторического прошлого как проблемы познания» в эпоху Возрождения описывалось как необходимая последовательность двух «шагов»: осознания «исторического настоящего, в рамках которого протекает жизнедеятельность данного поколения», и осознания «прошлого, т.е. условий жизнедеятельности прошлых поколений, – условий, которые исчезли»⁸. Анализ понятия хроноструктуры с позиции отношений следования времен «настоящее – прошедшее – будущее» позволил сделать важное наблюдение: «Прошедшее и будущее “встречаются” в настоящем, выступают его составляющими. Что же остается на долю настоящего? – Переработка, отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и *предстоящих задач*, т. е. процесс для каждого настоящего сугубо творческий, поскольку *ориентиром для него служит именно будущее* (курсив мой – Л. Р.)»⁹.

Стоит добавить, что в переработку, отбор и систематизацию опыта прошлого включены не только два взаимосвязанных, комплементарных и неразделимых процесса (две стороны) памяти – “вспоминание” и “забывание”, но и ключевой процесс непосредственного переживания реальной ситуации настоящего. В представлениях о будущем (в «превращенном» виде) находят отражение проблемы, которые волновали изучаемые общества в их настоящем: «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты. Точно так же, когда они в воображении проецируют себя в будущее – голосом своих пророков, мыслителей-утопистов или авторов научной фантастики – они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности»¹⁰.

При всей противоречивости форм проявления исторического сознания (в книге «Эпохи и идеи» они рассмотрены последовательно в широком континууме между двумя крайностями – антиисторизмом ми-

⁷ Барг 1984. С. 83.

⁸ Там же.

⁹ Барг 1984. С. 90.

¹⁰ Шмитт 2008. С. 132.

фологического типа сознания и всеобъемлющим историзмом XIX века), М.А. Барг видел в нем культурную универсалию, определяющую пространственно-временную ориентацию общества, «важнейшую духовную константу», одновременно сохраняющую и продуцирующую «связь времен» – прошлого, настоящего и будущего «в средостении настоящего». М.А. Барг неизменно подчеркивал, что историческое сознание является не только измерением типа культуры и фактом историографии, но главное – фактором самой истории. Важнейший смысл историописания он видел в «дешифровке» и упорядочении опыта прошлого «с целью истолкования его в свете опыта настоящего»¹¹.

В этой связи особую роль играет глубина исторического времени, обнаруженная гуманистами в результате осознания содержательного различия между отдельными его отрезками и значения временной дистанции. Крупные культурно-исторические сдвиги, которые были концептуализированы в получившем столь широкое научное признание определении «эпоха Возрождения», знаменовали рождение историзма Нового времени, осознание социального времени как времени исторического, представление об индивидуальности и неповторимости исторических эпох, обнаружение содержательной «связи времен» за «внешней», чисто хронологической последовательностью событий, открытие избирательной формы исторической ретроспективы и возможности двум историческим эпохам вступить в диалог.

И этому отнюдь не мешало то, что идея циклизма все еще являлась господствующей. По мнению О.Ф. Кудрявцева, один из популярнейших сюжетов античной литературы – миф о «золотом веке», подвергнутый переосмыслению гуманистами Возрождения, «в данном ими истолковании способствовал становлению культурно-исторического самосознания новой эпохи»¹². Заложенное в этом мифе представление о цикличности истории позволило развить идею возвращения «золотого века», наполнив ее новым содержанием (как века возрождения и расцвета искусства и науки). «Приписывая» к «золотому веку» эпоху правления во Флоренции первых Медичи, гуманистическая культура формулировала с помощью этого мифа «идею собственного исторического призвания восстановить утраченную связь времен, служа духовному обновлению человечества, и таким образом приходила к осознанию своеобразия своего времени»¹³.

¹¹ Барг 1987. С. 12.

¹² Кудрявцев 2001.

¹³ Кудрявцев 2001. С. 92.

Принципиально важно, что темпоральные представления о связи времен предполагают наличие структурной дифференциации времени, и это в развернутом виде показано в книге И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время». Среди поднятых в этом энциклопедическом труде проблем существенное место занимает процесс «темпорализации» исторического сознания, который включал в себя «формирование представлений о разделенности прошлого, настоящего и будущего, более четкие понятия и знание единиц времени и временных интервалов истории, постепенное утверждение историзма как способа понимания общественного развития, установку на будущее и другие специфически временные параметры Нового времени»¹⁴. Становление европейского исторического сознания Нового времени выразилось в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а, с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций¹⁵.

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), различных форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, на разных социальных уровнях¹⁶. Эта векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем)¹⁷.

¹⁴ Савельева, Полетаев 1997. С. 605. Сложные отношения времен выражены авторами афористически: «Еще несуществующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его». (Там же. С. 308).

¹⁵ Интересные материалы, связанные с обсуждением вопроса об уникальности новейших культурных представлений, обеспечивших позитивную оценку новизны и ориентацию на будущее, см. в книге: Судьба европейского проекта времени... 2009. О концептуализации времени и событийности см.: Чеканцева 2014.

¹⁶ Hartog 2003; Артог 2002.

¹⁷ Так, по словам Патрика Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего». См.: Хаттон 2003. С. 24.

Идея истории, охватывающей все три модуса времени, стала достоянием европейской исторической мысли XVI века, но лишь к эпохе Просвещения обрела однозначно линейную перспективу. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего, а в России она получила отчетливо-утопическую («футуристическую») окраску. Т.В. Артемьева показала, как утопические архетипы, сформулированные историками эпохи Просвещения, выстраивали избирательную историческую ретроспективу, в которой прошлое и настоящее выступали лишь как приготовление к «славному будущему», «утопическое» являлось предпосылкой «исторического», «исторические сочинения часто представляли собой утопический взгляд в прошлое», а исторические примеры использовались как доказательства утопических предположений¹⁸. Понятие «утопия» в его метафорическом значении помещается в «маргинальный зазор» между желаемым (будущим) и действительным (настоящим). Утопический тип исторического сознания весьма устойчив, но соотношение времен оказывается исторически специфичным и культурно обусловленным. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»¹⁹.

Особое место в развитии исторического сознания в России занимает XIX век, отмеченный процессами историзации общественного сознания, формирования образов национального и европейского прошлого, становления исторической науки и исторического образования²⁰. Трудности реформ, необходимость принятия решений с учетом исторического опыта способствовали постоянной актуализации исторического знания. Прошлое привлекает как время, в котором заложены причины текущего состояния и которое позволяет понять, объяснить и даже изменить настоящее, привести его в соответствие с прошлым. «Просветительская парадигма определяла не только уверенность в универсальности идеи прогресса, включая тем самым будущее России в общее будущее европейской цивилизации, но и формировала стремление приблизить это будущее для России, диктовала необходимость деятельности, способствующей появлению элементов будущего в настоящем. <...> формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изме-

¹⁸ Артемьева 2005. С. 6.

¹⁹ Лотман 1996. С. 344–345.

²⁰ Подробно об этом см.: Сабурова 2010.

нения будущего»²¹. Характеризуя дальнейшую трансформацию темпоральных представлений, Т.А. Сабурова подчеркивает: «От осмысления различия и связи времен, которое началось в XIX в., от чувства времени, ощущения его движения, русская интеллигенция пришла в начале XX в. к осознанию “разрыва времен” (курсив мой. – Л. Р.), чувству безвременья, ощущению остановившегося времени. Незавершенность процесса формирования исторического сознания русской интеллигенции, исторической культуры русского общества, отсутствие устойчивых образов прошлого, как и связи прошлого, настоящего и будущего – все это стало серьезным фактором революционаризации общественного сознания, и, следовательно, социальных потрясений в России»²².

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению, поиску контрастов. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имеющееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (так называемый «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и историописания.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле этого слова разрушилось в период постмодерна. Кризис доверия к историческому метарассказу – это фактически кризис социальной памяти исторического типа, и одновременно кризис линейной темпоральности. В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как «презентизм», исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным. Последствия данного разрыва проявляются, в частности, в том, что историки отказались от идеи пред-

²¹ Там же. С. 322.

²² Там же. С. 331.

сказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знание о том, как были устроены общества прошлого, помогает понять современное общество, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет.

Между тем тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории коллективных темпоральных представлений и «мемориальных исследований»²³. Если желание заранее знать будущее присуще всем человеческим обществам, встречается везде и во все времена, то средства, которые используются, чтобы удовлетворить это желание, и создаваемые воображением картины будущего в коллективном сознании отличаются друг от друга в различных культурах, в зависимости от религиозных верований и форм рациональности, которые для них характерны. Поскольку социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего, постольку прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее. Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социально-историческим контекстом и практическими приоритетами: для многих групп (как малых, так и больших) переупорядочивание или изменение коллективной памяти в процессе трансмиссии означает постоянное изобретение прошлого, которое бы подходило для настоящего, или, равным образом, изобретение настоящего, которое бы соответствовало прошлому. Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия не только для образа нашего непредсказуемого *вчера*, но и – через отношение к прошлому – для самоопределения и практической деятельности *сегодня* по «обустройству» грядущего *завтра*.

Темпоральные характеристики исторического сознания имеют еще один важный аспект, который связан со статусом истории как особой *критической* (корректирующей) формы памяти о прошлом. Обращаясь к проблеме содержания и соотношения профессионального исторического сознания и массовых представлений, Поль Вен подчеркивал: «В стихийном сознании нет понятия истории, для появления которого требуется интеллектуальная работа... Все, что известно сознанию об истории, – это узкая полоска прошлого, воспоминание о котором еще живо в коллективной памяти нынешнего поколения...»²⁴.

²³ Образы времени... 2010.

²⁴ См.: Вен 2003. С. 87–89.

В разделе с красноречивым названием «История больше, чем прошлое» своей давно уже ставшей классической книги «Прошлое – чужая страна» Дэвид Лоуэнталь решительно констатировал: «Исторические интерпретации формируются под воздействием анахронизмов и ретроспективного знания. Для того, чтобы сделать прошлое понятным, настоящему мало уметь справляться со сдвигами в восприятии, ценностях и языке, необходимо также уметь учитывать те изменения, которые произошли после рассматриваемого периода. <...> За счет того, что историки переформулируют проблемы в современных терминах и опираются на знания, прежде бывшие недоступными, им удастся обнаруживать то, что было ранее забыто или некорректно сведено вместе, а также открывать то, что никому прежде не было известно»²⁵.

Итак, историк «поправляет» социальную память, и ключевой момент в этой историографической процедуре описан очень точно: «То обстоятельство, что историку заранее известен исход сил, действовавших в прошлом, вынуждает его формировать отчет таким образом, чтобы тот соответствовал ходу событий. Темп, угол зрения, временной масштаб его наррации (повествования), – все несет на себе отпечаток подобного ретроспективного знания, потому что он “должен не только знать, чем закончились интересующие его события, но должен использовать эти познания в своем повествовании”»²⁶.

Здесь Д. Лоуэнталь совсем не случайно ссылается на слова Дж. Хекстера, подчеркивающие значение исторической ретроспективы: «если бы писатель не знал итогового результата, он ни за что не смог бы правильно соотносить пропорции своего повествования с реальными темпами событий»²⁷. Большинство представлений о прошлом в памяти социума, как и индивидуальные воспоминания, не отличаются хронологической определенностью и даже не связаны с последовательностью событий. Именно историк организует разрозненные факты прошлого в связное повествование. Историк, будучи включен в пространство исторической памяти, одновременно ее преобразует, руководствуясь профессиональными стандартами и нормами²⁸.

И массовое, и профессиональное историческое сознание строятся, как правило, на основе линейной нарративной логики, которая наиболее адекватна чрезвычайно значимому в XIX–XX вв. и сохраняющему зна-

²⁵ Лоуэнталь 2004. С. 343.

²⁶ Там же. С. 344.

²⁷ Hexter 1971. P. 338.

²⁸ Как выразился Антуан Про, память «...черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств» (Про 2000. С. 319).

чение даже в начале XXI в. национально-государственному типу идентичности. Вместе с тем, одним из результатов программы историзма стало резкое углубление разрыва между «историей историков» («академической историей»), «историей как наукой») и обыденными (массовыми) представлениями о прошлом: в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие социально-политическим потребностям, в исторической науке господствует императив «прошлое ценно само по себе», и ученому следует, по возможности, быть выше соображений политической целесообразности.

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. При этом сегодня ставится задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох (представления о членении, измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, а также образы общезначимого прошлого – эпох, событий, героев и пр.), но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества²⁹.

Сегодня речь идет уже о попытке сформировать новое историческое сознание посредством синтеза модернистского и постмодернистского типов исторического мышления – с одновременным признанием идеи существования *множества различных историй* и идеи *единства исторического опыта* и ориентации на сравнительный анализ исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации – на глобальную арену. Позиция И. Рюзена четко определена: «...Нам нужна ведущая система ценностей, *универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур* (курсив мой. – Л. Р.)³⁰». Звучит парадоксально, но столь же внешне парадоксальным может показаться и более общий принцип сосуществования разных культур и цивилизаций в современном глобализирующемся мире – принцип «единства в многообразии». Между тем, Рюзен распространил этот принцип на уро-

²⁹ В связи с этим необходим новый подход к сравнительному изучению исторического сознания и концепций прошлого. Опыт реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах представлен в коллективном труде, в котором были использованы материалы античной, средневековой и новоевропейской (в разных национальных и региональных вариантах), византийской и древнерусской, китайской, арабской, индийской, персидской, монгольской письменных традиций. См.: *Образы времени...* 2010.

³⁰ Рюзен 2001. С. 24–25. См. также: Рюзен 2005.

вень исторического сознания с его множественностью форм (как синхронных, так и стадиальных), прежде всего – в проблемном поле, обозначенном им (не совсем удачно) как «межкультурная компаративная историография»³¹, ориентированная на сравнительный анализ исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации – на глобальную арену. С целью коррекции культурной включенности исследователя предлагается теория «культурных универсалий исторического сознания» (или «общая теория культурной памяти»), т.е. выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур исторического познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого, присутствующих в любой культуре и обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем.

«Теория культурной памяти, или исторического сознания», объясняющая эту базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения. Историография как таковая выступает в рамках этой теории как одна из специфических форм универсальной культурной практики³². В такой перспективе оказывается видимым не только все разнообразие вариантов, но и то, как именно оно складывается. Однако этот грандиозный проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, требует множества дополнительных конкретных исследований, способных обеспечить максимально «плотное описание» национальных историографий (и даже локальных историографических традиций), и может быть реализован только коллективными усилиями «невидимого колледжа» историков разных стран и регионов мира. На этом долгом пути будут постоянно возникать дискуссии как вокруг ключевых концептов, так и вокруг методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах.

³¹ Rüsen 1996.

³² Известны различные теоретические подходы к концептуализации понятий «историография» и «история историографии», например, как к дисциплинарной истории или в контексте интеллектуальной истории. Подробнее см.: Попова 2011; Сидорова 2011; Воробьева 2011. Новые перспективы историко-историографического исследования открываются при рассмотрении историописания (и исторического знания) как базового компонента исторической культуры общества (Репина 2011).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артемова Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
- Артог Ф.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М.: ИВИ РАН, 2002. С. 147–168.
- Барг М.А.* Историческое сознание как историографическая проблема // *Вопросы истории.* 1982. № 12. С. 49–66.
- Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
- Барг М.А.* Шекспир и история. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Пер. с франц. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Воробьева О.В.* История историографии конца XVIII – начала XXI в. в свете книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии» // *Диалог со временем.* 2011. № 37. С. 45–64.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: ЛКИ, 2011. 608 с.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кудрявцев О.Ф.* Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // *Личность – Идея – Текст в культуре Средневековья и Возрождения.* Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 84–92.
- Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада.* М.: Наука, 1969. С. 186–224.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 624 с.
- Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2010. 800 с.
- Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарной истории // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: ЛКИ, 2011. С. 474–490.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Репина Л.П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // *История и истории в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21–35.
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // *Диалог со временем.* 2013. Вып. 43. С. 190–198.
- Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 8–26.

- Сабурова Т.А.* «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М.: Круть, 2010. С. 302-331.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Сидорова Т.А.* Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 586-594.
- Судьба европейского проекта времени. Сборник статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 720 с.
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
- «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. 256 с.
- Чеканцева З.А.* Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // *Диалог со временем.* 2014. Вып. 48. С. 16-30.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2008. С. 127-148.
- Hartog F.* Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 262 p.
- Hexter J.H.* Rhetoric of History // *Hexter J.H.* Doing History. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1971. P. 15-76.
- Repina, Lorina.* Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne.* 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.
- Rüsen J.* Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // *History and Theory.* 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwiedrzik. P. 5–22.
- Rüsen J.* Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination: Geschichtskultur heute* / K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rüsen. Köln, 1994. S. 5–7.
- Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: University Press, 2003. 440 p.

BIBLIOGRAFIJA

- Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu: Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija. SPb.: Aletejja, 2005. 496 s.
- Artog F. Vremja i istorija // *Annaly na rubezhe vekov: antologija.* M.: IVI RAN, 2002. S. 147–168.
- Barg M.A. Istoricheskoe soznanie kak istoriograficheskaja problema // *Voprosy istorii.* 1982. № 12. S. 49–66.
- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984. 342 s.
- Barg M.A. Shekspir i istorija. M.: Nauka, 1976. 200 s.
- Barg M.A. Jepohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 348 s.
- Ven P. Kak pishut istoriju. Opyt jepistemologii / Per. s franc. L.A. Torchinskogo. M.: Nauchnyj mir, 2003. 394 s.

- Vorob'eva O.V. Istorija istoriografii konca HVSh – nachala HHI v. v svete knigi G. Iggersa i Je. Vana «Global'naja istorija sovremennoj istoriografii» // Dialog so vremenem. 2011. № 37. S. 45-64.
- Dialogi so vremenem: Pamjat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2008. 800 s.
- Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. 608 s.
- Istorija i pamjat': Istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2006. 768 s.
- Kudrjavcev O. F. Mif o «zolotom veke» v kul'ture Vozrozhdenija // Lichnost' – Ideja – Tekst v kul'ture Srednevekov'ja i Vozrozhdenija. Ivanovo: Izd. centr «Junona», 2001. S. 84-92.
- Levada Ju.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyj metod // Filosofskie problemy istoricheskoy nauki / Otv. red. A.V. Gulyga, Ju.A. Levada. M.: Nauka, 1969. C. 186-224.
- Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhiih mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: Jazyki russskoj kul'tury, 1996. 464 s.
- Loujental' D. Proshloe – chuzhaja strana / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Vladimir Dal', Russkij Ostrov, 2004. 624 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija v civilizacionnom kontekste: Rossija – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M., 2010. 800 s.
- Popova T.N. Istorigrafija v kontekste disciplinarnej istorii // Istoricheskaja nauka segodnja: Teo-rii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 474-490.
- Pro A. Dvenadcat' urokov po istorii. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Repina L.P. Istoriko-istoriograficheskoe issledovanie v kontekste sovremennoj intelektual'noj kul'tury // Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury. Sbornik statej / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoj, Ju.V. Krasnoj. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. S. 21-35.
- Repina L.P. Pamjat' o proshlom v prostranstve kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 43. S. 190-198.
- Rjuzen J. Krizis, trauma i identichnost' // «Cep' vremen»: problemy istoricheskogo soznanija / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2005. S. 38–62.
- Rjuzen J. Utrachivaja posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na pere-krestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamjati) // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 7. S. 8–26.
- Saburova T.A. «Svjaz' vremen» i «gorizonty ozhidaniij» russkikh intelektualov XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad. M.: Krug#, 2010. S. 302-331.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istorija i vremja. V poiskah utrachenogo. M.: Jazyki russskoj kul'tury, 1997. 800 s.
- Sidorova T.A. Istorigrafija kak intelektual'naja istorija: problemy mezhdisciplinarnosti i kon-teksta // Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 586-594.
- Sud'ba evropejskogo proekta vremeni. Sbornik statej / Otv. red. O. K. Rumjancev. M.: Progress–Tradicija, 2009. 720 s.
- Hatton P. Istorija kak iskusstvo pamjati. SPb.: Vladimir Dal', 2003. 424 c.
- «Cep' vremen»: problemy istoricheskogo soznanija / Otv. red. L.P. Repina. M.: IVI RAN, 2005. 256 s.

- Chekanceva Z.A. Mezhdú Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste reflektivnogo povo-rota po-francuzski // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 48. S. 16-30.
- Shmitt Zh.-K. Ovladenie budushhim // Dialogi so vremenem: Pamjat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2008. S. 127-148.
- Hartog F. Regimes d'historicit . Presentisme et experiences du temps. Paris: Seuil, 2003. 262 p.
- Hexter J.H. Rhetoric of History // Hexter J.H. Doing History. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1971. P. 15-76.
- Repina, Lorina. Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.
- R sen J. Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // History and Theory. 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwiedrzik. P. 5-22.
- R sen J. Was ist Geschichtskultur?  berlegungen zu einer neuen Art,  ber Geschichte nachzudenken // Historische Faszination: Geschichtskultur heute / K. F bmann, H. T. Gr tter, J. R sen. K ln, 1994. S. 5-7.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500-1730. Oxford: University Press, 2003. 440 p.

Репина Лорина Петровна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru.

Temporal characteristics of historical consciousness: (on the dynamic component of the “history of memory”)

The article is focused on the contents and place of the notion of the ‘history of memory’ in the interdisciplinary field of social studies and humanities, and on its various interpretations in the context of the theory of cultural memory. The author analyses temporal characteristics of historical consciousness, which reveal a way of the structural differentiation of time (the ‘link of times’) and provide grounds for a typology of the forms of historical consciousness studied in contemporary works. The article emphasizes the importance of temporal characteristics of historical consciousness for the status of history as a critical form of the memory of the past and for cultural comparative studies. While appreciating the value of the project of ‘intercultural comparative historiography’, which is not limited chronologically or spatially, the author point out problems of its realization and the need for precise terminology and better methods of reconstruction and comparison of temporal and historical views, and conditions that shaped these in different cultural areas.

Keywords: *historical consciousness, cultural memory, historical culture, modes of time, ‘regimes of historicity’, historiography.*

Lorina Repina – Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru.